

Двойной код прозы Захара Прилепина («Собаки и другие люди», 2023)

Вопросы литературы, 2025 № 2. С. 25–39: <https://voplit.ru/article/dvojnnoj-kod-prozy-zahara-prilepina-o-knige-sobaki-i-drugie-lyudi-2023/>

Пожалуй, лучше всего авторскую стратегию Захара Прилепина характеризует фраза «в действительности все не так, как на самом деле». Я-герой и я-повествование здесь не раскрывают личность автора, а намеренно уводят от нее.

Первый роман, «Патологии», написан в русле «окопной» прозы нулевых, для которой важна была автобиографичность, личный опыт прошедших войну: «О войне надо писать только голую правду. Только то, что лично сам видел и знаешь, ни слова больше» [Бушковский: 196]. И Прилепин написал – как воевал в 1996-м и 1999 годах в Чечне командиром отделения спецназа. Вот только он не воевал в спецназе, а был в командировке с нижегородским ОМОНОм. Писатель и собровец А. Бушковский в 2011 году раскрыл несостоятельность книги Прилепина, в которой все оказалось не так, как на самом деле:

Почему с 2004 года, когда был опубликован роман «Патологии», ни у кого не возникло сомнений в его правдивости, почему звучали только хвалебные отзывы <...> и ни одного трезвого взгляда <...> Стоит только нагнать жути, налить крови побольше, самокритично размазать грязь, добавить чуток эротических сантиментов, и определенный читательский электорат твой [Бушковский: 209].

Далее Прилепин пришел к нацболам и написал роман «Санькя», вроде бы как о нацболах. Но Лимонов в итоге открестился от Прилепина, сказав, что и в партии Прилепин не состоял¹, и роман не о нацболах («это не мы в “Санькя”»²).

Так что писатель взялся осваивать новую важную тему – травму XX века, Советского Союза и лагерей. Это теперь Прилепин за все советское, а в 2014-м получил за «Обитель» «Большую книгу».

Некоторое время спустя он снова отправился воевать и выпустил «Некоторые не попадут в ад». На этот раз книга получилась действительно автобиографической, живо раскрывающей то, чем занимался Прилепин на Донбассе и почему его с тех пор не любят в Донецке. Так что пришлось писать другую книгу, посуше, поспокойнее, в которую

¹ «Мы тут не так давно собирались Исполкомом Партии и задались вопросом: да и вступал ли Прилепин когда-либо в НБП. Думаю, членом партии он не был» [Лимонов].

² «Книга Прилепина “Санькя” – это не о нацболах. Это о “завтраках” скорее, то есть о тех, кто тусовался вокруг газеты “Завтра”. В “Санькя” много соплей, и слёз, и поповщины, и сентиментальности, а нацболы всегда были современны, грубы, не сентиментальны <...> Так что это не мы в “Санькя”» (там же).

эпизоды «Некоторых...» вошли с улучшениями: нет, не стилистическими – с улучшениями жизненной «правды»:

Вокруг нас бегала хозяйкина мерзкая собачка – три килограмма непрерывной истерики, две бешеные бусинки на месте глаз, крысиная мордочка <...> Едва ли возможно объяснить, как мы ее за без малого два года не зашибли («Некоторые не попадут в ад», с. 262).

Не сбавляя шага, пнул бросившуюся ему в ногу крупную собаку – с берца слетел ком грязи, – и прошел в дом («Ополченский романс», с. 186).

Крупную-то собаку не так позорно пинать, как трехкилограммовую.

О больших собаках говорится и в сборнике рассказов «Собаки и другие люди» – о жизни я-героя, его собак и жены, который тоже получает премии и даже, говорят, вошел в школьную программу. Отзывы восхищенные: «на редкость добрая и светлая» [Юзефович]; «тонкая, умная и лиричная книга <...> для семейного чтения <...> о чуде, доброте и любви» [Долгарева].

Остается недоуменно развести руками вслед за Бушковским: «Почему звучат только хвалебные отзывы <...> и ни одного трезвого взгляда»? Ведь книга на самом деле страшная.

Описаны в ней страдания и смерти собак: как собак я-героя, так и собак, покалеченных и убитых собаками я-героя. Открытые раны, переломанные кости, кровь, мясо, жестокость и боль – основная эмоциональная палитра. Дополнительная – убогие жители деревни, в которой обосновался я-герой: все они или замышляют недоброе, или больные: кто головой скорбен, кто слепец, кто алкоголик. Все вызывают у автора какую-то презрительную брезгливость.

Вот старик, настолько непривлекательный, что герой не может запомнить его внешность: «с тем же успехом можно было попытаться запомнить рисунок древесной коры <...> Лицо его пересекали несколько черных вен, похожих на удары плетью. Рот был завален внутрь». Дед еще и манипулятор: «Всякий раз, когда дочь порывалась уехать, дед с ней прощался навсегда и ложился на печь <...> “Во сне и отойду...”».

Вот охотник и рыбак: «пузат, несколько кривоног <...> хмурый и торопливый, как тать <...> крикливый и скандальный».

Мать с двумя дебелими душевнобольными дочерьми.

Двадцатипятилетний пьяница, лицо которого «с утра и вечером, весной и осенью было безобразно распухшим».

«Муж с женой по прозвищу Слепцы. На самом деле слепым в их паре был только отец семейства, а жена – вполне себе зрячей, однако деревенские определили их так в том числе и потому, что Слепцы всегда ходили вместе, а порознь их никто не встречал».

Вот вроде и не в чем упрекнуть последнюю пару. И верность супружеская, и достоинство. А описано так, словно не люди, а полумерки, два в одном.

Есть еще «отставной прокурор» – как и я-герой, он построил двухэтажный дом, держит собак. Может, на этот раз ровня?

Нет.

«...В одно лето он отстроил себе двухэтажный кирпичный дом и зажил обособленной жизнью со своей супругой. У прокурора имелось шесть собак, из них четыре охотничьих. Охотничьи сидели на привязи и лаяли иной раз часами. Две другие его собаки, какой-то кудрявой породы, похожие на веселых баранов, бегали по деревне. Я поинтересовался <...> отчего прокурор не держит собак во дворе».

Действительно, отчего прокурор не держит собак во дворе? Вот у я-героя собака, нежнейший сенбернар, свободно заходит в дома соседей – и соседям это очень нравится! Потому что это собака кого надо собака. А кудрявые «бараны» на улице – непорядок. К тому же прокурор бирюк: дом «отстроил себе» и живет «обособленной жизнью со своей супругой». Нехорошо! Правда, про себя с женой герой говорит: «мы жили нелюдимо, и тем не тяготились». И даже соседа-субутыльника на двор не пускает, выпивая с ним через забор.

Понятно, что нагружать второстепенных персонажей негативными характеристиками нужно, чтобы на их фоне представить странное, мягко говоря, поведение я-героя в более выгодном свете. Но ведь описывает-то Прилепин русскую деревню под Нижним Новгородом, русского человека сегодня. Когда Россия ведет войну за выживание, за сохранение русского народа. Это ведь и война идей, в которой для победы нужно почувствовать свое право и достоинство – быть русскими! Но деревенские жители у Прилепина – сплошь пропойцы и подлецы.

Как рецензенты умудрились увидеть здесь «человечность»? Думаю, сыграла роль застарелая, от Писарева через школьное советское литературоведение дошедшая оптика: «маленького человека» – пожалей. От этой оптики пора избавляться – трезвым взглядом смотреть на Башмачкина, любящего вместо ближнего своего – шинель; на «свежего и бодрого» стационарного зрителя, выставяющего вперед себя четырнадцатилетнюю дочь – утихомиривать офицеров. Понятно, что в логике писаревско-советской школы

нравственная нищета и убогость героев должны вызывать сочувствие и вести к социальному протесту. Но Прилепин-то против чего протестует, создавая коллектив уродцев в стиле босховского «Корабля дураков»? Если, не рефлексировав, продолжать в том же духе, стопчемся до писателя Пиценко, выдающего «заморыша» с нарушениями личностного развития за образцового «духовно русского человека» (Ю. Павлов). Нет уж, спасибо. Я русского человека вижу совсем не таким.

И деревенских мужиков знаю другими – уважающими правду, талантливыми в труде, – а не убогими уродцами, как их изображает Прилепин.

Однако многие читатели не видят гнилой сути прилепинского текста, потому что есть в нем второй полюс, выступающий антитезой озвученным выше – гиперболизированное «добро». Так, собака, рвущая встречных собак, удостоивается обращения «новозаветный Шмель», другая собака, убивающая деревенских коз, – это «ангельской природы <...> лебединый ангел», третья, покусавшая человека, тоже «ангел», который «умеет пускать слюни удивительной длины и липкости»: больше сахара, больше собачьих слюней и тепла собачьего тела – и читатель поплыл, вспоминая собственные приятные ощущения от общения с животными и стараясь не замечать остального.

На то, чтобы легче было не замечать, работают логические сбои и неувязки. Как вам описание комнаты, в которой ночевала большая мохнатая собака:

«Утром в комнате запах был – словно там ночевал чистый помыслами юноша, ангельской, должно быть, природы, у которого в теплых волосах вкус мороза».

Ну, мы как бы знаем, как пахнут собаки. Да еще – «в теплых волосах вкус мороза». Логика отлетает напрочь. Это Прилепину и нужно: двойной код его прозы – манипуляция читательским сознанием.

Всегда, начиная с «Патологий», Прилепин использует технику раскачивания между крайностями, чередование вспышек аффектов – трэш и сентиментальность, жестокость и нежность, брутальность и детскость. Плюс много смысловых обрывов, лакун.

Лакуны бифункциональны: с одной стороны, они позволяют скрыть неудобную правду, с другой – оставляют пространство для творческого воображения читателя. Люди ведь хотят хорошего и начинают подставлять в эти оставленные для них ловушки, лакуны, свой собственный опыт, свои лучшие чувства. И думают, что об этом и пишет Прилепин. Но это не так. Говорит с читателем все равно личность автора. И гниль все равно проникает. Так на недавнем награждении книги Прилепина «Собаки и другие

люди» С. Степашин сообщил: все же собаки действительно лучше людей! Отличный вывод, особенно для нашего времени. Собаки лучше людей, люди хуже собак...

В другой премии «Собаки...» получили специальный приз «Книга для семейного чтения». Думаю, это прямое издевательство над семьями и детьми. Прослушивая перед сном фрагменты этого текста, я потом мучилась ночными кошмарами и не то что детям – мужу бы эту книгу не посоветовала. Когда в частной беседе пересказала один сюжет из нее известной писательнице, которая живет в деревне и занимается дрессировкой собак, она энергично сказала: «В морду! Дать в морду и иначе никак!» Имея в виду морду не собаки, а хозяина. Что бы ни говорили про художественную условность, но, если сюжет вызывает однозначное желание дать герою/автору в морду, что хорошего можно сказать о рассказе?

Хотя у этих рассказов и нет настоящих сюжетов. Это зарисовки, фрагменты, более всего похожие на посты в соцсети. Ходил в лес с собакой, заблудился, вернулся. Жена ходила в лес собакой, ее собака убила другую собаку. Мы с женой ходили на пляж с собакой, наша собака покалечила другую собаку. Собака заболела. Оказалось, у нее разрушаются кости («кости его рушатся, скелет разваливается»). Но вообще-то суставы («разбиты суставы»). Но вообще-то мясо гнилое («задних ног почти уже нет, и мясо на них – мертвое»). Как-то так: сегодня немножко про одно, завтра немножко про другое. Обязательно добавить любовь-морковь, ангелов и слюни. И не забыть никогда не подводящий прием «одноногой собачки»: бежала одноногая собачка, подняла ножку, чтобы пописать, и упала на животик... Кстати, собака без ног (с отмирающими лапами) – действительно центральный образ книги.

Но как бы автор ни пытался шаманить, отводя и переключая внимание читателя, фрагменты все же складываются в историю – о том, как все было на самом деле.

Начинается этот жуткий мета-сюжет с рассказов про сенбернара Шмеля. Вначале хозяева держали его на свободном выгуле и по ночам он терроризировал жителей деревни: приходил к ним во двор, а если не заперто, то и в дом, топтал ковры, сшибал и разбивал лекарства, съедал еду. Какие ощущения могли возникнуть у людей от такого гостя?

Нет-нет, не надо делать разумные выводы. Надо качнуться, по-прилепински, в противоположную сторону. Все жители деревни были невероятно счастливы видеть по ночам невоспитанную собаку. Они была рады ей, «как жениху, которого не чаяли увидеть», как любимому мужчине, который возвратился «в ночи, в снегу, неожиданный, нежный и очень голодный», «как внуку», о котором «отчаялись мечтать». Ему «выносили,

сгребая с тарелок и плошек, попеременно жаркое, салаты и выпечку». А один бедолага даже попросился немного пожить с этим псом на его подстилке.

Когда сенбернару Шмелю исполнилось пять лет, горе-хозяева решили его развязать. То есть устроить одноразовую случку. Без надежды на продолжение, потому что в собачьем клубе он не состоял: по параметрам не подошел и права на вязку не имел. А тут подвернулась случайная сенбернарша. Все без исключения собаководы знают, что так делать категорически нельзя.

Тем не менее хозяева огромного невоспитанного пса решают его психически доконать. И я-герой с умилением описывает, как после этого события изменился Шмель, начал думать о будущих щенках – и стал ответственным и серьезным.

Если убрать сюсюкание и фантэлемент (кобель, размышляющий после вязки о будущих щенках), то, попросту говоря, пес вывернулся. И стал бросаться на всех встречных собак. В рассказе по-прилепински подробно, со смакованием трэша и кровищи описываются мучения деревенских и приезжих собак от озверевшего сенбернара:

«Той несчастной лайке ты, как мы узнали после, раскромсал ногу и сломал два ребра, не считая бесчисленных рваных ран на ее теле. Раны те хотя бы объяснимы – но как же ты поломал ей ребра? Разве для того ты был рожден, чтобы калечить чужую плоть?»

Нет, он был рожден иметь нормальных хозяев, которые, заведя большую собаку, ответственно бы занимались ее воспитанием.

Но я-герой нацепил на пса строгий ошейник и продолжал вопрошать его о «грехопадении»: «Что за тайная молния воссоединила твоё знание о любви и возможности потомства – с великим негодованием о всяком возможном зле?»

Строгий ошейник не помогал. Однажды семейство возвращалось с пляжа. «В левой руке я держал маленькую ладошку младшей дочери, а в правой, накрутив на запястье, – поводок Шмеля». И встретился им отдыхающий – мужчина с лайкой:

«— Будьте добры, – попросил я издали незнакомого мне хозяина лайки. – Возьмите, пожалуйста, вашу собаку на поводок!»

Мужчина сделал легкомысленный взмах рукой, означавший: это все пустое. Едва ли он хотел оскорбить нас. Просто у него было отличное настроение».

Вот откуда в пляжной сценке глагол «оскорбить»? Как отдыхающий мужчина с миролюбивой лайкой мог хотеть оскорбить героя-Захара? Зачем? Логического объяснения

нет, значит, запускается двойной код – идет подготовка к тому, чтобы вину я-героя перевести на ничего не подозревающего мужчину с лайкой.

«Шмель так и остался бы сидеть – но, завидев его, лайка тут же бросилась к нам».

Вот оно! Шмель – ангел, Шмель не виноват. Это дружелюбная лайка решила обнюхать, как во все века делают все собаки. И в этом ее вина.

«Я поспешно подхватил дочку на руки и одновременно сбросил с запястья поводок, крепко взяв Шмеля за строгий ошейник. Стальные стержни ошейника вдавились ему в горло, чтоб он не задумал ничего такого...»

Зачем, контролируя озверелую собаку, имевшую уже несколько кровавых покушений, брать при этом маленькую дочку на руки? Абсурд. Но двойной код работает вовсю: герой-Захар – геройский отец, защищающий дочь от опасной чужой лайки.

«Легчайшим, без малейшего усилия движением Шмель высвободился из моих крепко сжатых пальцев так, словно бы его держал не сорокалетний мужчина, который отжимается по утрам сто пятьдесят раз, а его крохотная дочка».

Неубедительно про сильного мужчину. Если знаешь, что не удержишь, ищи другие способы контроля. Однако «отжимается 150 раз» вставить не забыл, несмотря на стыдную нелепость поведения «мужчины» в этой сцене.

«Они бросились друг на друга и сразу сцепились всерьез».

Тут уже просто не верим, ибо ранее было рассказано, что Шмель набрасывался первым на ничего не подозревающих собак.

«Хозяин лайки застыл в ошарашенной позе».

Он тоже не верит, что его лайка могла наброситься на Шмеля.

А теперь главное: «У меня в руках была дочь, и я не мог ее оставить».

Молодец, спрятался за ребенка – и дальше можно спокойно наблюдать за сценой жестокого насилия Шмеля над лайкой. И с упоением ее описывать. До тех пор, пока «не очнулась жена». Жена

«подбежала к собакам и, понимая, что уже пошел обратный отсчет, сделала единственно верное: схватив Шмеля за хвост, резко рванула на себя. Он извернулся с ужасным оскалом, чтоб наказать того, кто посмел ему помешать, – и всякий наблюдавший был в тот миг уверен: сейчас он перекусит ее надвое».

Отличный муж, замечательный. То, что жена в конце книги уходит жить отдельно и забирает собак, чтобы заниматься с ними самой, неудивительно. Я-герой же остается в одиночестве, пьет с местным алкоголиком, просыпается среди ночи из-за алкоголических нарушений сна и размышляет о бренности сущего. Но почему-то его не жалко.

Еще я-герой любил пугать Шмелем, а потом другой большой собакой катающихся на лодках отдыхающих. Еще натравил собак на подъехавших к дому незнакомцев, которые хотели что-то спросить – но не успели. (Незнакомцы наверняка были очень-очень опасными, поэтому, натравив собак, а сам спрятавшись за забором, я-герой кидает в их машину петарды.)

В общем, жизнь у Шмеля была насыщенная, но короткая. Хронология ее восстанавливается благодаря «младшей дочке» героя. Когда после вязки Шмель озверел, она уже умела ходить («в левой руке я держал маленькую ладошку младшей дочери, предупреждая ее о всех превратностях лесной тропки...»). Когда Шмеля не стало и были заведены другие собаки, ей исполнилось четыре:

«Нигга, бассеты и моя младшая дочка: неваляха в шести одежках, детские глаза <...> Ей шел пятый год».

При этом автор подает все так, словно Шмель прожил долго. «Он прожил долгую жизнь»; «Шмель прожил целую собачью жизнь». И эти заверения убеждают – не справившись с озверевшим псом, хозяева его усыпили.

О чем говорит и подавленное их состояние после этого происшествия. И чувство вины. И то, что Прилепин почему-то проходит мимо возможности, которую не упускает никогда: вставить одноногую собачку – описать смерть Шмеля с чувством, с толком, с расстановкой. Собственно, вся книжка посвящена болезням, операциям и мучениям собак и даже кота, а что произошло со Шмелем, обойдено молчанием.

И это одна из тех лакун, о которых шла речь при разборе прилепинского метода. Он вставляет целую череду риторических вопросов к собаке: мол, как же ты стал таким, Шмель?! Но о горькой правде не говорит. И, если читать эти тексты поверхностно, поддаваясь аффектам, которые автор сознательно для нас набрасывает, то можно и впрямь подумать, что это книжка о любви людей и животных.

Только она совсем не о том.

Она о маленьком человеке, слабой душе которого для самоутверждения нужны большие собаки, большие машины и слуги.

В рассказе «Дебрь» я-герой заблудился в лесу и вынужден был долго продирается сквозь кусты. А потом обратно – через них же. Раздосадованный неудачей (подобные люди терпеть не могут мелких неудач), он командует собаке:

«← Сидеть <...>

Он сел.

– Дай лапу <...>

Он протянул лапу.

– Дай другую.

Он перебрал ногами, словно выбирая, какая из лап – другая, и выбрал верную.

Мир встал на место...»

После досадной неудачи я-герою надо над кем-то возвыситься, возобладать. Так в книге о Донбассе он описывает встречу с младшими по званию:

«...идешь, допустим, по коридору располагаи, – кто-то сидит в коридоре, копошится в мобильном; «Здравия желаю!» – на ходу скажешь <...> сидящий боец или офицер, не поднимая головы, кивнет, – в ответ: «Встать! – крикнешь. – Ответить по форме! Позывной?» – и уже вниз по лестнице, потому что некогда, спускаешься, пока он вскочил и что-то там отвечает...»

Пока он там вскочил и что-то отвечает...

Понимает ли писатель эти свои особенности?

Отлично понимает. Но уверен, что, вводя двойной код, одурачит читателя.

В принципе, так и получается.

Так, команду «Сидеть!» необходимую, чтобы «мир встал на место», он сопровождает пояснением:

«– Сидеть, – сказал я без нажима: просто шепотом уронил слово».

Сочетается это с бурной сценой борьбы с кустарником, доведшим его до отчаяния и гнева: «...лицо мое было в грязи и подсохшей крови»? Нет, конечно.

То, что делает Прилепин, Г. Бейтсон называл двойным посланием («double bind») – совмещением в коммуникативном акте противоположных сигналов. Например, мать говорит ребенку о заботе, но невербально выражает раздражение. Двойное послание разрушает метакоммуникативную систему человека, которая начинает воспроизводить бесконечный, но систематический поток ошибок и искажений, что порождает шизофрению.

И двойное послание, и раскачивание между фрагментами правды и океанами умолчания, между жестокостью и сюсюканьем нужны Прилепину, чтобы за вспышками аффектов читатель не замечал главного – настоящей личности автора и того, что в тексте на самом деле происходит.

А происходит следующее. Стараясь умалить боль и вину после ухода сенбернара, хозяева начинают заводить одну собаку за другой. И эти собаки словно берут на себя их грех, болея и умирая и при этом своей судьбой так или иначе повторяя судьбу сенбернара – каждый следующий пес агрессивнее и неуравновешеннее предыдущего.

Один пес умер в возрасте двух-трех лет от порока сердца, но успел покусать человека.

У другого оказалось врожденное смертельное заболевание и скверный характер: он готов загрызть всех, кроме хозяев: «хрипел от бешенства. Волосы у него вздыбились даже на голове, обращая пса в натурального психопата».

Следующая собака разрывает в лесу зверей, а в деревне коз: «Кай держал в зубах крупную козу. Морда его была измазана кровью».

Еще одна страдает «неудержимой склонностью к насилию» и эпилептическими припадками, во время которых перестает узнавать хозяев и готова загрызть даже детей.

При этом в финале мы узнаем, что больших собак любила жена героя – дрессировка была ее первой профессией.

Интересный дрессировщик. В книге есть отчет об итогах одной прогулки жены с собакой:

«Я приехал на ту лужайку уже днем – там словно бы трудился мясник.

– ...И драки никакой не было, – в который раз рассказывала жена. – Он сразу его сшиб, смял, задавил – и драл: в горло, в живот, в горло, в живот. Я пытаюсь его оттащить, а

этот, хозяин кобеля, стоит и не двигается. «Возьмите собаку!» – прощу. Испугался, быть может... Когда мы ушли, пегий кобель так и лежал вот здесь.

– Живой?

– Не знаю. Огромный, но... Словно бы разделанный на куски».

Что тут сказать.

Собаки, может, и лучше людей, как утверждал Степашин на вручении Прилепину премии, но этим собакам с людьми явно не повезло.

Или это Прилепину так нравится описывать раны, кровь и кишки наружу, что он выбрал самые отвратительные события из жизни своих собак? Не знаю.

Так, собаку, у которой не работали суставы, и их заменили на железные, в морозы хозяева продолжают держать на улице. Железки внутри ноги леденеют и мучают ее. Она пытается лизать ногу, что еще может сделать собака? Однажды ночью от невыносимых страданий она выгрызает механический сустав из лапы. Как описывается сцена? Красочно:

«Рана посреди ноги зияла <...> Тронув шерсть на лапе ниже развороченного сустава, я в онемении увидел голую кость. Шерстью были покрыты только сами пальцы на когтистой лапе, а выше, анатомически зримая, виднелась белая, лишенная жил, мяса и мышц, голень».

И вот после всей этой кровищи, расчлененки и собачьих мучений, после мета-истории о тотальной вине человека перед животными (там есть еще боевой кот, привыкший к мужской котовой жизни, которого напрасно кастрируют из-за неверного диагноза по фотографии) – странно читать отзывы: «трудно сказать, чего в книге больше: внутреннего света, сентиментальности, человеческой и животной доброты...» [Балин: 178] – и узнавать, что этот трэш добавили в школьную программу.

Но надо отдать должное автору – историю он все-таки рассказал. О том, как хозяева травмировали и потеряли собаку, а после принялись заводить одну собаку за другой – и судьба этих бедолаг складывалась все хуже. Да и семья развалилась. И с соседями по деревне, кроме ненависти, ничего не сложилось. Некому даже сфотографировать я-героя в финале, приходится пристраивать телефон на пенек. Финал – одиночество с собаками-калеками «посреди огромного и глухого леса». Прекрасная книжка для семейного и детского чтения.

Литература

1. Балин Д. О книге Захара Прилепина «Собаки и другие люди» // Сибирские огни. 2024. № 3. С. 177–179.
2. Бушковский А. Перечитывая «Патологии»: Нелепицы и странности в рассказах о войне // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 195–209.
3. Долгарева А. Пост в Telegram от 23 июня 2024 года. URL: <https://t.me/dolgarevaanna/5394> (дата обращения: 04.01.2024).
4. Лимонов Э. Пост в Facebook от 11 и 12 марта 2020. URL: <https://www.facebook.com/eduard.limonov/posts/2771810672939246> (дата обращения: 14.03.2020).
5. Юзефович Л. О книге З. Прилепина «Собаки и другие люди» // VK Л. Юзефовича от 5 ноября 2023 года. URL: https://vk.com/wall708238621_3519 (дата обращения: 04.01.2024).